

**ПРАВОВОЙ МЕНТАЛИТЕТ ДИАСПОР: СУЩНОСТНОЕ
И СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ**

**Мордовцев А.Ю., доктор юридических наук, профессор,
Ростовский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции,
Мордовцева Т.В., доктор культурологии, профессор,
Таганрогский институт управления и экономики,
Апольский Е.А., кандидат юридических наук, доцент,
Ростовский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции**

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РФФИ №17-33-00034 «Правовая ментальность провинциальных сообществ и диаспор в современной России: теоретико-методологический и сравнительно-правовой аспект (на примере Дальнего Востока и Южного федерального округа)»

Аннотация: *в статье представлены теоретико-методологические и прагматические основания формирующейся в отечественном правовом и политическом познании теории ментальности диаспор. В частности, большое внимание уделено правовому менталитету представителей диаспор, различным образом проявляющему себя в социальном пространстве многонационального государства. Авторы работы считают, что обращение к устойчивым во времени ментальным установкам, присущим представителям разных диаспор необходима в первую очередь для формирования адекватной политико-правовой стратегии национального развития и проведения соответствующей ей правовой политики в различных российских регионах. Содержание и особенности правового менталитета диаспор и провинциальных сообществ следует учитывать при определении приоритетов реформирования правовой и политической системы, выборе средств и методов для изменений юридического, политического и социально-экономического порядка.*

Ключевые слова: *правовой менталитет, диаспора, правовая культура, правовая аккультурация, правовая маргинализация, аттитюды, правовая ассимиляция, глобализация, групповое сознание, правовая интеграция, язык, религиозное мирозерцание*

**THE LEGAL MENTALITY OF THE DIASPORA: THE ESSENTIAL
AND THE SOCIOLOGICAL DIMENSION**

**Mordovtsev A.Yu., Doctor of Juridical Sciences (Advanced Doctor), Professor,
Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice,
Mordovtseva T.V., Doctor of Culturology (Advanced Doctor), Professor,
Taganrog Institute of Management and Economics,
Apolsky E.A., Candidate of Juridical Sciences (Ph.D.), Associate Professor,
Rostov Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice**

***Abstract:** the article presents the theoretical, methodological and pragmatic foundations of the theory of Diaspora mentality that is being formed in the domestic legal and political knowledge. In particular, much attention is paid to the legal mentality of representatives of diasporas, which manifests itself in various ways in the social space of a multinational state. The authors believe that the appeal to the time-stable mental attitudes of representatives of different diasporas is necessary, first of all, for the formation of an adequate political and legal strategy for national development and implementation of the corresponding legal policy in various Russian regions. The content and features of the legal mentality of diasporas and provincial communities should be taken into account when determining priorities for reforming the legal and political system, and selecting means and methods for changing the legal, political, and socio-economic order.*

***Keywords:** legal mentality, diaspora, legal culture, legal acculturation, legal marginalization, attitudes, legal assimilation, globalization, group consciousness, legal integration, language, religious worldview*

Введение

В контексте развития современного гуманитарного и социального познания вряд ли стоит спорить в отношении того, что введение в научный оборот категории «менталитет» создает важные методологические предпосылки нового историко-социального понимания, позволяет осуществлять его в двух направлениях: во-первых, можно реконструировать механизм типичного поведения и действия, через особую процедуру идентификации и «подстановки» миропонимания, мышления, action-схем, эмоциональной сферы представителя одного социума определенной эпохи на место «персонажа» из иного общества, иного цивилизационного типа, той же, либо уже другой эпохи; во-вторых, воссоздать не проявившиеся (либо слабо выраженные) в текстах или действиях акты поведения как акты мыслимые, продуманные, но не реализованные разными индивидами в силу определенных причин.

Резюмируем основные теоретико-методологические положения, определяющие эвристические возможности теории ментальности:

1) ментальность берется как содержание (образ, представление, понятие), совокупность «живых» стереотипов, установок, и как процесс (динамическая характеристика ментальности и ее проявлений);

2) ментальность – это устойчивая настроенность внутреннего мира индивидов, сплачивающая их в национальные (шире – цивилизационные) общности, малые социальные (этнические и др.) группы, профессиональные корпорации и др., совокупность установок и предрасположенностей субъектов к определенному типу мышления и действия;

3) ментальность описывает человеческую активность только в контексте определенного историко-цивилизационного, национального материала и при элиминировании последнего либо становится еще одним обозначением сознания (общественного сознания), психики, либо вообще включается в обыденное словоупотребление;

4) менталитет «двузначим», с одной стороны, это результат культуры и традиций, а с другой – сам является *глубинным источником* развития последних, определяет вектор культур-цивилизационной динамики;

5) являясь формой выражения *группового сознания*, ментальность позволяет понять своеобразие восприятия и оценки различными социальными группами того или иного общественного явления или процесса, объяснить характер и специфику поведения представителей этих групп, общества в целом в разнообразных (нормальных или кризисных) ситуациях;

6) менталитет – это эмоционально-ценностный и одновременно сознательно-волевой срез (измерение) жизнедеятельности любого социума;

7) ментальные культурно-знаковые структуры, выступающие в качестве «объективных» основ общества, обуславливают, маркируют различные социальные явления (правовые, политические, этические и др.).

Правовой (политико-правовой) менталитет является совокупностью (системой) правовых архетипов и представлений, устойчивых, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые в разных социумах, этносах, типах цивилизаций и т.п. имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной государственности (политических институтов и структур, национальных и конфессиональных отношений и др.), определяют специфику правового поведения индивида, тех или иных социальных, профессиональных групп, государственных органов и должностных лиц [10, с. 64].

Методология исследования

В качестве методологических принципов, на которые опирается исследование правовой ментальности провинциальных сообществ и диаспор в разных регионах современной России, можно выделить следующие:

1) принцип дополненности в понимании специфики поведения индивидов (представителей разных этнических диаспор) и их групп (диаспор в целом) в правовой сфере, когда, с одной стороны, имеющие место правовые и политические институты, структуры и механизмы во многом обуславливают человеческую активность, ее характер и направленность, а с другой – эффективность и устойчивость юридико-политических компонентов национальной государственности предопределяются «субъективным фактором»;

2) принцип «понимающей интерпретации», т.е. концепция правового менталитета диаспор выстроена методами понимания и объяснения, что в целом соответствует эвристическим установкам

постнеклассической (понимающей) науки. Именно такой подход и позволил рассмотреть сферу правовой повседневности диаспор, особенности их правовой и политической активности, выявить факторы устойчивого развития отечественной государственности и институтов гражданского общества, оценить критерии определения эффективности регионального и федерального законодательства в его правоментальном измерении;

3) этнокультурная конвенциональность, означает, что действующие в обществе ценностно-нормативные системы имеют конкретно-исторический и социально-коммуникативный характер. При этом познание последних обусловлено этнонациональным, социокультурным и историческим контекстом, любое юридическое явление или процесс теоретически и мировоззренчески нагружен и обусловлен социокультурными факторами и доминантами;

4) целостность – представляет собой методологический принцип системного и органичного единства, взаимодействия и взаимообусловленности всех элементов социально-правовой и этнонациональной жизнедеятельности общества;

5) объективность – как методологический принцип настоящего исследования предполагает ориентацию на реконструкцию существующих представлений и характеристик юридического мировоззрения диаспор, независимых от воли и сознания отдельно взятых индивидов;

6) достоверность – ориентирует на согласование получаемых выводов и положений с имеющимися теоретико-методологическими достижениями юридической науки, аналитическими и эмпирическими данными, а также правокультурным и этноюридическим контекстом;

7) инструментально-правовой реализм, означает познание социокультурных факторов и этноюридических доминант необходимо не только для понимания права и юридического мировоззрения народов России, но и для управления реально существующими социально-правовыми явлениями и процессами.

Важные для осмысления специфики российской ментальности аспекты были выявлены Н.И. Костомаровым в работе «Обычаи и нравы народов государства Российского», включающей, в частности, такие разделы, как «Семейные нравы», «Порядок домоуправления», «Увеселение, игры, забавы», «Села и деревни», «Верования» и др. [9]. Примерно эти же стороны русской жизни, но с позиции иностранца рассматривает Дж. Флетчер, чьи наблюдения оказываются эвристически ценными для проведения сравнительного анализа содержания и проявлений русской и западноевропейской ментальности в отечественной и зарубежной правовой и политической жизни [11].

Оригинальное и единственное в своем роде исследование менталитета диаспор провел З.И. Левин (Левин З.И. Менталитет диаспор. М., 2001), который, правда, ограничился лишь изучением ряда постановочных аспектов этой сложной проблемы.

Основная часть

Работы, посвященные комплексному и всестороннему исследованию природы правового менталитета провинциальных сообществ и диаспор в России, их соотношение с общими правоментальными характеристиками российского общества в современном отечественном и зарубежном научном познании в на-

стоящее время отсутствуют. В этом плане, конечно же, нет и эвристически выверенной методики комплексного исследования этого феномена.

Хотя, для составления общеметодологического контекста и формирования комплексного подхода к решению основных аспектов заявленной проблематики необходимо учесть следующие ориентиры:

1. Религиозное мирозерцание и его роль в жизни и культуре конкретного этноса;
2. Отношения «Чужие» и «Свои» как ориентир формирования правовых отношений между представителями диаспор, местных провинциальных сообществ и иными субъектами правовой и политической жизни современной России;
3. Ценность семьи (клана) и ее интересов, уровень удовлетворенности представителей национальных диаспор юридической фиксацией присущих им интересов и ценностей;
4. Традиционное отношение к государственной и иной власти («дистанция власти»);
5. Уровень и характер сплоченности представителей диаспор, способность противостоять актуальным правовым, политическим и экономическим «вызовам», разного рода кризисным явлениям;
5. Факторы интеграции или дезинтеграции диаспор в современное отечественное социально-правовое пространство;
6. Отношение к труду (в том числе и коллективному труду) и к разным формам собственности, способам их юридической фиксации;
7. Отношение к действующему законодательству («Закон»-«Обычай»-«Традиции»).
8. Доминирующий вид правомерного поведения (конформистского, маргинального и др.), возникающий как следствие преломления социально-правового пространства, окружающего диаспоры и местные провинциальные сообщества, в их мироощущении, устойчивых, передающихся от поколения к поколению представлений о порядке и справедливости, чести и достоинстве личности.
9. Специфика половозрастного взаимодействия внутри диаспор (привычный статус мужчины, женщины, ребенка, старика, мужа, жены, отца, матери).
10. Уровень изоляционизма диаспоры (высокий, средний, низкий), параметры его определяющие.

Обращение к вопросу о теоретико-методологических основах исследования правового менталитета диаспор и провинциальных сообществ, позволяющих реконструировать и «расшифровать» эту часть национального правового пространства, позволило сформулировать ряд эвристически значимых положений:

1) **Правовой менталитет диаспор** – это глубинный и устойчивый компонент их социально-правовой жизни, основа взаимодействия их представителей между собой и иным населением государства, значимый аспект рассмотрения специфики базовых правовых ценностей, присущих диаспорической или провинциальной культуре, важный критерий оценки перспектив интеграции и развития этнических групп, общин в инокультурную (принимающую) правовую среду. В сущностном измерении правовой (или шире – политико-правовой) менталитет является совокупностью правовых архетипов и представлений, привычных образов, форм и стиля юридического мышления, которые неизбежно формируются в разных диаспорах, этносах, провинциальных сообществах, имеют собственное содержание, различным образом сочетаются, но всегда лежат в основе восприятия компонентов национальной правовой системы (правовых институтов и

норм), межнациональных и конфессиональных отношений и др.), определяют преобладающие виды и специфику правового поведения индивидов, принадлежащих к конкретным диаспорам, провинциальным сообществам, характер их взаимодействия между собой и иными («Чужими») субъектами права.

2) концептуализация правовой ментальности диаспор, их рассмотрение в контексте имеющих место в российской и зарубежной литературе научных (социально-философских, социально-психологических и социально-правовых) позиций позволила сделать вывод о явной эвристической непродуктивности сформировавшейся еще в начале XX в. бинарной модели правового этнического правового менталитета, предполагающей различие сознательных и бессознательных его элементов, выявление которых на самом деле часто зависит от ситуации и глубины рефлексии субъектов. Отход от традиционных (излишне психологизированных) воззрений в пользу рациональности иного типа, выявление социокультурной природы менталитета диаспор предполагает исследование его архитектуры, т.е. совокупности взаимопроникающих структур: правовой парадигмы, стиля юридического мышления и социального (правозначимого) взаимодействия субъектов, получающего выражение в разных типах их правового (правомерного либо неправомерного) поведения. При таком подходе (и это важно особенно в практическом плане) правовая ментальность диаспор и провинциальных сообществ – это своего рода матрица типизации правового поведения их представителей.

3) правоментальные проявления представителей диаспор (например, установки, стереотипы, аттитюды) являются основой их понимания и оценки российской государственности в целом, имеющей место организации властных отношений и институтов, национальной правовой политики в целом, но самое главное они влияют на политическую активность и правовое поведение населения страны. Именно это свойство правовой ментальности диаспор позволяет выделить ее основные функции: познавательную-преобразовательную, оценочную, прогностическую. Проведенные первичные (пробные) социологические исследования в ЮФО и Приморском крае (в форме анкетирования населения региона по квотной выборке, так и в форме экспертного опроса представители государственной и муниципальной власти, общественных организаций и движений, политических партий, этнических диаспор и т.д.) позволили определить принципиальные отличия отношения к действующим в этих регионах властным структурам (государственным и муниципальным) диаспор Юга России (армянской, таджикской, еврейской и др.) и диаспор Дальнего Востока (корейской, китайской и др.), что и получило отражение в впервые сформулированном в отечественном социально-правовом познании термине – «*дистанция власти*».

Понятие «дистанция власти» можно определить как степень, в которой не наделенные властью граждане страны допускают (понимают, чувствуют) и принимают то, что власть распределена несправедливо и проводит в жизнь решения, по большей части ущемляющие интересы ряда социальных слоев, выражаясь (материализуясь) в системе соответствующих властных практик.

4) при проведении комплексного, системного исследования правовой ментальности обнаружилось большое значение такого правоментального элемента, как *аттитюд*, значение и смысл этой категории еще далеки от своего однозначного понимания в российском социальном, в том числе и правовом познании (например, для изучения специфики национальной правовой культуры, правового сознания, правовой мен-

тальности и т.п.). Впервые понятие «аттитюд» было введено в 1918 г. социологами У. Томасом и Ф. Знанецким при изучении проблем адаптации польских диаспор в США, состоящих из эмигрировавших в это государство крестьян. В своей работе «Польский крестьянин в Европе и Америке» они определили аттитюд как «состояние сознания индивида относительно некоторой социальной ценности», переживание человеком смысла этой ценности". Правовой аттитюд функционирует и как элемент структуры правовой ментальности и правового сознания личности (представителя диаспоры или местного провинциального сообщества), и как компонент правовой ментальности диаспоры в целом (что, конечно же, тесным образом сопряжено, но далеко не всегда полностью совпадает).

Правовой аттитюд – это состояние психологической готовности, сложившееся на основе имеющегося личного или общинного правового опыта, содержания правового сознания и логики правового мышления, оказывающее направляющее влияние на реакции индивида относительно разного рода юридических конфликтов, правовых ситуаций, правовых ценностей, оценки эффективности деятельности правоохранительных, исполнительных или законодательных институтов государственной власти, муниципальных структур, прямо или косвенно затрагивающих его интересы. Правовые аттитюды следует рассматривать в контексте свойственного диаспорам в конкретный исторический период уровня изоляционизма в принимающей политико-правовой и социокультурной среде и соотносить с меняющейся (либо, наоборот, сохраняющейся) шкалой правовых ценностей и устанавливающихся в результате действия обычаев, деловых обыкновений и традиций норм (правозначимого) поведения.

5) более чем значимым фактором формирования правовой субкультуры этнических диаспор является *язык*. Процесс правокультурной адаптации у представителей диаспор, овладевших языком принимающего их общества и государства проходит не только быстрее, но и на более высоком качественном уровне, более результативно (в плане освоения текущего законодательства принимающего государства, получения первичных правовых знаний, умений, опыта и т.п.), чем у диаспор большинство членов которых, по сути своей, «без языка». Именно последнее в большей мере свойственно, например, китайским и корейским диаспорам Дальнего Востока (они постоянно пополняются новыми членами, не владеющими, как правило, русским языком), что влияет на низкий темп их и социокультурной, и политико-правовой адаптации в Российском государственном пространстве, зато заметно увеличивает уровень их сплоченности (этнической солидарности), которую они рассматривают как важный фактор «выживаемости» в иноправовой, инополитической и инокультурной среде. Ясно здесь и то, что «безъязыкость» диаспор только усиливает их изоляционизм, когда действующие в принимающем государстве юридические нормы и институты не воспринимаются и даже отторгаются диаспорами, их представители относятся к механизму правового регулирования этого государства, крайне настороженно, с недоверием. Например, диаспоры юга России, чаще всего владеют русским языком в должной мере (в своем большинстве) и в силу этого сформированные ими субкультуры оказываются в большей мере восприимчивыми к правовому пространству России. Использование методов юридической герменевтики и сравнительно-правового метода позволяют получать здесь результаты высокой эвристической значимости, что также положительно влияет на их практическую результативность и подчеркивает высокую степень научной новизны.

б) в ходе исследования было критически оценено утверждение о том, что «в индустриальном обществе культурная дистанция между диаспорой и коренным населением быстро сокращается». Это положение не является универсальным и не может быть распространено на разные типы диаспор, проживающие в разных частях многонационального государства. В частности, для представителей этнических диаспор, проживающих в столичных городах или мегаполисах такая ситуация верифицируема, но использование арсенала социологических методов для познания особенностей содержания правовой ментальности диаспор в регионах России, провинциальных образованиях убеждает во вторичном характере экономических факторов, т.к. уровень изоляции диаспор, их дистанцирования от правовой культуры, правовых ценностей коренного населения остается высоким. Последнее в первую очередь следует отнести к восточным или азиатским диаспорам, представители которых стремятся сохранить консервативно-правовое начало в своей жизнедеятельности и весьма медленно осваивают непривычное политико-правовое пространство. Последнее в первую очередь относить к женщинам и пожилому поколению в диаспорах, которые в силу их гендерно-возрастных особенностей и социальных ролей, традиционного статуса («хранители этнокультурной преемственности и семейных традиционно-правовых ценностей») еще более медленно адаптируются в правовой и политической жизни принимающего социума. Таким образом, обращение к изучению правовой ментальности разных диаспор позволяет ввести в научный оборот современного правоведения (социологии права, философии права, криминологии и др.) категорию «темпы правовой адаптации».

Выводы

Социолого-правовое изучение разных диаспор позволило сформулировать ряд выводов, важных для проведения дальнейшего исследования специфики их правовой ментальности:

а) на этапе правовой аккультурации вся правовая информация, идущая от принимающего общества, воспринимается и оценивается представителями диаспор исключительно сквозь призму этнического самосознания («старого»), в результате чего преломляются новые для них элементы правовой системы принимающего общества и на уровне правового сознания и правового мышления членов диаспор образуются специфические синтезированные правовые формы, правовые ориентиры, которые выступают своего рода основой для «выживания» этнических диаспор в юридико-регулятивном поле принимающего общества. Однако на этом этапе собственно правовые знания и умения еще только накапливаются, постепенно (в разных диаспорах разными темпами) становясь основой для формирования принципов и подходов решения возникающих у отдельного представителя диаспоры или диаспоры в целом юридических проблем. Заметим, что на этом этапе представители диаспоры обнаруживают стремление защитить свое правокультурное (этническое) своеобразие, сохранить правовую идентичность;

б) правовая маргинализация – это следующий этап адаптации диаспор. Чаще всего он возникает на уровне правовой ментальности, правового сознания и правового мышления мигрантов (представителей диаспор) третьего-четвертого поколения, когда этнические социоправовые (правоментальные) константы, связанные с восприятием окружающей правовой среды, еще сохраняются, но уже не являются доминирующими. На этой стадии большинство молодых представителей диаспор, сохраняя свое этническое своеобразие на бытовом, семейном уровне, являясь носителями диаспорического языка, уже весьма охотно ус-

ваивают правовые институты, нормы принимающего их общества, включаются в разного рода частно-правовые отношения с представителями последнего. Нередко, например, в диаспорах юга России и даже Дальнего Востока (здесь правда несколько реже) происходит «русификация» имен и фамилий, что закрепляется и в соответствующих документах (например, в паспорте, свидетельстве о рождении). Представители этнических диаспор, находящиеся на этапе правовой маргинализации стремятся повысить свой социальный статус, используя для этого легальные средства, например, получают образование (на языке принимающего общества), участвуют в выборах, стремятся к разного рода выступлениям в СМИ, создают какие-либо политические движения, партии (разумеется, в рамках демократического политико-правового пространства) способные, по их мнению, к выражению их этнических политико-правовых, социально-экономических, религиозных интересов. Таким образом, диаспоры уже «находятся на краю» («маргиналии») ассимиляции в правовую культуру принимающего общества.

в) правовая ассимиляция – это наиболее высокий уровень политико-правовой адаптации диаспор в целом и их отдельных представителей. Здесь последние уже в большей мере являются носителями правовой культуры принимающего общества, а этнокультурные константы правовой ментальности диаспор минимизированы. Ряд авторов (зарубежных социологов и антропологов права) даже пишут о возможности «абсолютной» правовой ассимиляции диаспор, что, по сути своей, тождественно их полному «растворению» в правовом пространстве принимающего общества. Правовая адаптация приводит к *правовой интеграции*. Однако криминологические исследования (американские, немецкие и др.) показывают иные версии, а именно, что специфика правовой ментальности представителей диаспор сохраняется и в пятом, и в шестом поколении, а значит и имеют место особенности их правового поведения (например, процессы криминализации правового сознания здесь идут более интенсивно). Более того, проведенные исследования диаспор Дальнего Востока и юга России убеждают в том, что глобализационные факторы являются мощным стимулом для сохранения правовой этнокультуры диаспор как фактора обеспечения их правовой идентичности, оригинальности в отечественном политико-правовом пространстве.

Литература

1. Алексеев Н.Н. Идея государства. М.: «Аграф», 2001. 483 с.
2. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // Вопросы философии. 1990. №1.
3. Бирюков Н.И., Сергеев В.М. «Соборность» как парадигма политического сознания // Полис. 1997. №3.
4. Гуревич А.Я. Изучение ментальностей // Сов. этнография. 1988. №6.
5. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Изд.Наука, 1990. 417 с.
6. Величко А.М. Нравственные и национальные основы права // Сборник статей по философии и истории права. СПб., 2002. 127 с.
7. Вышеславцев Б.П. Русский национальный характер // Вопросы философии. 1995. №6.
8. Гачев Г.Д. К вопросу о национальной идее // Огонек. 2000. №46.
9. Костомаров Н.И. Обычай и нравы народов государства Российского. М.: Изд. АСТ, 2018. 419 с.

10. Мордовцев А.Ю., Попов В.В. Российский правовой менталитет. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮФУ, 2007. 448 с.
11. Мордовцев А.Ю., Мамычев А.Ю. Мишель Фуко: поиск оснований государственной власти // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. Приложение. 2003. №5. С. 68 – 76.
12. Мордовцев А.Ю. Реальность юридического мира в пространстве национальной культуры: вопросы теории и методологии // Философия права. 2003. №2. С. 69 – 75.
13. Мордовцев А.Ю. Право и поведение: социокультурные аспекты исследования проблемы // Научные труды. Российская академия юридических наук: Вып. 3: в 3 т. М., 2003. Т. 1. С. 220 – 229.
14. Мордовцев А.Ю. Феномен государственной власти в отечественном социально-политическом пространстве: путь к очевидности // Философия права. 2004. №1. С. 17 – 23.
15. Мостовая И.В., Скорик А.П. Архетипы и ориентиры российской ментальности // Полис. 1995. №4.
16. Невважай И.Д. Типы правовой культуры и формы правосознания // Правоведение. 2000. №2.
17. Нерсесянц В.С. Юридическая антропология как наука и учебная дисциплина // Рулан Н. Юридическая антропология. М.: Изд. Норма, 1999. 239 с.
18. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. 247 с.
19. Овчинников А.И. Правовое мышление в герменевтической парадигме. Ростов-на-Дону, 2002. 288 с.
20. Окара А.Н. Правосознание – центральная категория философии права И.А. Ильина // Государство и право. 1999. №6.
21. Оль П.А., Ромашов Р.А. Нация (генезис понятия и вопросы правосубъектности). СПб.: Логос, 2002. 105 с.
22. Пантин И.К. Национальный менталитет и история России // Российская ментальность (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1994. №1.
23. Рулан Н. Юридическая антропология. М: Норма, 1999. 239 с.
24. Россия XVI в. Воспоминание иностранцев. Смоленск: Русич, 2018. 356 с.

References

1. Alekseev N.N. Ideya gosudarstva. M.: «Agraf», 2001. 483 s.
2. Berdyaev N.A. Russkaya ideya. Osnovnye problemy russkoj mysli XIX veka i nachala HKH veka // Voprosy filosofii. 1990. №1.
3. Biryukov N.I., Sergeev V.M. «Sobornost'» kak paradigma politicheskogo soznaniya // Polis. 1997. №3.
4. Gurevich A.YA. Izuchenie mental'nostej // Sov. etnografiya. 1988. №6.
5. Gurevich A.YA. Srednevekovyj mir: kul'tura bezmolstvuyushchego bol'shinstva. M.: Izd.Nauka, 1990. 417 s.
6. Velichko A.M. Nравstvennye i nacional'nye osnovy prava // Sbornik statej po filosofii i istorii prava. SPb., 2002. 127 s.
7. Vysheslavcev B.P. Russkij nacional'nyj harakter // Voprosy filosofii. 1995. №6.
8. Gachev G.D. K voprosu o nacional'noj idee // Ogonek. 2000. №46.

9. Kostomarov N.I. Obychai i нравы народов gosudarstva Rossijskogo. M.: Izd. AST, 2018. 419 s.
10. Mordovcev A.YU., Popov V.V. Rossijskij pravovoj mentalitet. Rostov-na-Donu: Izd-vo YUFU, 2007. 448 s.
11. Mordovcev A.YU., Mamychev A.YU. Mishel' Fuko: poisk osnovanij gosudarstvennoj vlasti // Izvestiya vysshih uchebnyh zavedenij. Severo-Kavkazskij region. Obshchestvennye nauki. Prilozhenie. 2003. №5. S. 68 – 76.
12. Mordovcev A.YU. Real'nost' juridicheskogo mira v prostranstve nacional'noj kul'tury: voprosy teorii i metodologii // Filosofiya prava. 2003. №2. S. 69 – 75.
13. Mordovcev A.YU. Pravo i povedenie: sociokul'turnye aspekty issledovaniya problemy // Nauchnye trudy. Rossijskaya akademiya juridicheskikh nauk: Vyp. 3: v 3 t. M., 2003. T. 1. S. 220 – 229.
14. Mordovcev A.YU. Fenomen gosudarstvennoj vlasti v otechestvennom social'no-politicheskom prostranstve: put' k ochevidnosti // Filosofiya prava. 2004. №1. S. 17 – 23.
15. Mostovaya I.V., Skorik A.P. Arhetipy i orientiry rossijskoj mental'nosti // Polis. 1995. №4.
16. Nevvazhaj I.D. Tipy pravovoj kul'tury i formy pravosoznaniya // Pravovedenie. 2000. №2.
17. Nersesyanc V.S. YUridicheskaya antropologiya kak nauka i uchebnaya disciplina // Rulan N. YUridicheskaya antropologiya. M.: Izd. Norma, 1999. 239 s.
18. Novgorodcev P.I. Istoricheskaya shkola yuristov. SPb., 1999. 247 s.
19. Ovchinnikov A.I. Pravovoe myshlenie v germenevticheskoj paradigme. Rostov-na-Donu, 2002. 288 s.
20. Okara A.N. Pravosoznanie – central'naya kategoriya filosofii prava I.A. Il'ina // Gosudarstvo i pravo. 1999. №6.
21. Ol' P.A., Romashov R.A. Naciya (genezis ponyatiya i voprosy pravosub"ektnosti). SPb.: Logos, 2002. 105 s.
22. Pantin I.K. Nacional'nyj mentalitet i istoriya Rossii // Rossijskaya mental'nost' (materialy «kruglogo stola») // Voprosy filosofii. 1994. №1.
23. Rulan N. YUridicheskaya antropologiya. M: Norma, 1999. 239 s.
24. Rossiya XVI v. Vospominanie inostrancev. Smolensk: Rusich, 2018. 356 s.